

ИССЛЕДОВАНИЕ УСПЕШНОСТИ ВЕДУЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ИСПЫТУЕМЫХ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ

Д.А. Циринг, Е.В. Веденеева (Челябинск)

Аннотация. Приводятся результаты эмпирического исследования успешности ведущей деятельности у испытуемых с личностной беспомощностью и самостоятельностью в младшем школьном, подростковом и юношеском возрастах.

Ключевые слова: личностная беспомощность, выученная беспомощность, самостоятельность, ведущая деятельность, успешность деятельности.

Исследование феномена беспомощности в современных российских условиях приобретает особую актуальность в силу их высокой непредсказуемости. Несмотря на экономический рост в нашей стране, общественно-экономическая ситуация, как показывают события 2008 г., под влиянием внешних и внутренних факторов оказывается нестабильной и подвержена различного рода непредсказуемым и неподконтрольным для людей воздействиям, вызывая сложности не только экономического, но и психологического характера. Уже имеющийся опыт, подкрепляемый новыми тревогами, актуализирует предрасположенность человека к возникновению беспомощности.

Выученная беспомощность традиционно рассматривается как состояние, возникающее в качестве реакции на неподконтрольные для человека события, имеющее тенденцию к генерализации, т.е. распространению на другие ситуации [2]. Однако основоположник теории выученной беспомощности М. Селигман подчёркивает, что есть категория людей, обладающих определёнными личностными особенностями, предрасполагающими к быстрому и частому возникновению состояния выученной беспомощности, сформировавшимися в результате опыта, полученного в детстве и подростковом возрасте [2]. Исследования первого из авторов настоящей статьи направлены на изучение упомянутого типа личности, склонного к возникновению выученной беспомощности, а совокупность специфических личностных особенностей, определяющих эту склонность, обозначена им как личностная беспомощность. Личностная беспомощность рассматривается как устойчивое специфическое образование личностного уровня, включающее в себя сочетание определенных личностных особенностей, пессимистического атрибутивного стиля и устойчивых невротических нарушений [4, 5].

Логично предположить, что проявления личностной беспомощности можно наблюдать в успешности деятельности личности, а особенно ярко – в ведущей деятельности на каждом возрастном этапе [3, 6]. Для проверки этой гипотезы было проведено эмпирическое исследование, которое проходило с 2005 по 2008 г. на базе общеобразовательных школ № 23 и № 150 г. Челябинска, Института психологии и педагогики, а также химического факультета Челябинского государственного университета [1]. Общее количество испытуемых, принимавших участие в исследовании, составило 653 человека.

С помощью кластерного анализа были выделены контрастные группы в каждой возрастной категории (младший школьный, подростковый и юношеский возрасты) с проявлениями личностной беспомощности и самостоятельности (противоположной по своему психологическому содержанию комплексной характеристике личности), в общей сложности 274 человека, которые участвовали в дальнейшем исследовании. Диагностическими критериями при проведении кластерного анализа (метод средней связи) выступали атрибутивный стиль (для диагностики использовались методики CASQ и ASQ М. Селигмана), депрессия и тревожность (методики ДОН В.В. Седнева для младшего школьного возраста; «Шкала депрессии» Г.И. Балашовой и «Личностная шкала проявления тревоги» Дж. Тейлора для подросткового и юношеского возраста), самооценка (по С.А. Будасси) и такие личностные особенности, как замкнутость/общительность, неуверенность/уверенность, робость/смелость (по личностному опроснику Р. Кеттелла). Эти показатели в совокупности позволяют диагностировать личностную беспомощность и самостоятельность как целостные психологические образования.

Выборку младших школьников по результатам кластерного анализа составили учащиеся 2–4-х классов общеобразовательных школ (8–11 лет), которые занимаются по традиционной программе, в количестве 107 человек; выборку подростков – учащиеся 7–9-х классов общеобразовательных школ (14–16 лет), которые также занимаются по традиционной программе, в количестве 87 человек; выборку испытуемых юношеского возраста – студенты Института психологии и педагогики и химического факультета ЧелГУ 1–3-го курсов (18–20 лет) в количестве 80 человек.

После выделения контрастных групп выявлялись различия в успешности ведущей деятельности у испытуемых с личностной беспомощностью и самостоятельностью. В качестве статистического метода проверки гипотезы использовался непараметрический метод сравнения – критерий U Манна–Уитни для двух независимых выборок.

В младшем школьном возрасте ведущей деятельностью является учебно-познавательная. В качестве критериев успешности ведущей деятельности были выделены: высокая познавательная активность, успеваемость, сформированность показателей учебной деятельности.

Значимые различия в группах «беспомощных» и «самостоятельных» младших школьников обнаружены

практически по всем показателям успешности ведущей деятельности, кроме успеваемости по русскому языку и музыке. На высоком уровне значимости обнаружены различия в успеваемости по информатике ($U = 994$ при $p = 0,009$), иностранному языку ($U = 1034,5$ при $p = 0,018$) и окружающему миру ($U = 1003$ при $p = 0,01$); на уровне статистической тенденции отмечаются различия в успеваемости по литературе ($U = 1146,5$ при $p = 0,094$) и математике ($U = 1148,5$ при $p = 0,082$). Таким образом, у «беспомощных» школьников средняя успеваемость значимо ниже, чем у «самостоятельных», причем по разному спектру предметов как гуманитарной, так и математической направленности, т.е. выделить какую-то область предметов, по которой у детей с личностной беспомощностью имеются наибольшие затруднения, не удастся. Средний балл успеваемости «беспомощных» составляет 3,6, «самостоятельных» – 4,4.

С высоким уровнем значимости ($p = 0,000$) выявлены различия между «беспомощными» и «самостоятельными» детьми в уровне познавательной потребности. У «беспомощных» средние показатели познавательной потребности гораздо ниже, чем у «самостоятельных». К тому же при сравнении с нормами теста обнаруживается, что средние результаты у «беспомощных» ниже нормы. То есть школьники с личностной беспомощностью читают меньше дополнительной литературы, меньше времени отводят умственной деятельности, реже задают вопросы, предпочитают получать готовые ответы, в отличие от «самостоятельных», которые готовы «помучиться», но получить ответ сами.

Обнаружено, что показатели учебной деятельности сформированы у учащихся с личностной беспомощностью и самостоятельностью в разной степени. Так, у «беспомощных» менее выражена интеллектуальная активность ($U = 940$ при $p = 0,003$), как и стремление к ней ($U = 942,5$ при $p = 0,003$), что согласуется с наличием низкой познавательной потребности у этих детей, в отличие от «самостоятельных», для которых характерен более высокий уровень интеллектуальной активности и стремления к ней, соотносящийся с нормой. Стремление к интеллектуальной активности для детей младшего школьного возраста является характерным, т.к. в силу возрастных особенностей они демонстрируют высокий познавательный интерес, который является фундаментом интеллектуальной активности. У «беспомощных» детей стремление к интеллектуальной активности выражено слабее.

Несмотря на то, что для младших школьников является типичным приспособление к условиям новой учебной деятельности, особенно в отношении внешних, поведенческих аспектов, и особую значимость приобретают организованность, саморегуляция деятельности, которые связаны с дисциплинарными и организационными моментами учебной деятельности, у «беспомощных» детей отмечается более низкий уровень организованности ($U = 922,5$ при $p = 0,002$), саморегуляции дея-

тельности ($U = 924$ при $p = 0,002$), работоспособности ($U = 895,5$ при $p = 0,001$), чем у «самостоятельных».

Самым низким показателем учебной деятельности у детей с личностной беспомощностью является позитивная коммуникативная активность ($U = 937$ при $p = 0,003$). Это свидетельствует о том, что «беспомощные» младшие школьники не стремятся выступать с дополнительными сообщениями на уроках, редко обращаются к педагогу и сверстникам, не проявляют речевую активность на занятиях и редко испытывают неудовлетворенность при ограничении возможностей общения. При этом у «беспомощных» наблюдается и более выраженная негативная коммуникативная активность ($U = 997,5$ при $p = 0,01$), которая проявляется, например, в отвлечениях во время занятий на посторонние разговоры. По скоростным характеристикам ($U = 913,5$ при $p = 0,002$) и ориентировочным компонентам деятельности ($U = 1088,5$ при $p = 0,046$) «беспомощные» дети также уступают «самостоятельным»: у них уходит больше времени на ориентировку в деятельности, что отражается на скорости ее выполнения. Заслуживает внимания показатель недостаточной учебной активности, который у «беспомощных» школьников, в отличие от «самостоятельных», имеет большую выраженность ($U = 993$ при $p = 0,003$). Это характеризует их как более пассивных в учебной деятельности.

Таким образом, по всем критериям успешности ведущей деятельности в младшем школьном возрасте у испытуемых с личностной беспомощностью наблюдаются более низкие показатели; на основании этого можно с уверенностью сказать, что «беспомощные» младшие школьники менее успешны в учебно-познавательной деятельности, чем их «самостоятельные» одноклассники.

В *подростковом возрасте* ведущей деятельностью является интимно-личностное общение. Критериями успешности в данной деятельности выступили: контактность, гибкость в общении, потребность в общении, инициативность в общении, легкость установления контактов, широта круга общения, устойчивость общения, выразительность в общении и глубина взаимоотношений, социометрический статус.

Значимые различия между подростками с личностной беспомощностью и самостоятельностью обнаружены по следующим показателям: контактность ($U = 400$ при $p = 0,009$), гибкость в общении ($U = 386$ при $p = 0,005$), потребность в общении ($U = 292$ при $p = 0,076$), широта круга общения ($U = 289,5$ при $p = 0,069$), устойчивость общения ($U = 228$ при $p = 0,005$), выразительность в общении ($U = 274$ при $p = 0,038$), глубина взаимоотношений ($U = 240$ при $p = 0,008$), эмоциональный ($U = 453$ при $p = 0,01$) и деловой статусы ($U = 553$ при $p = 0,021$). Достоверных различий не обнаружено по показателям «стремление к одиночеству», «инициативность в общении» и «легкость установления контактов». Можно предположить, что первый этап общения, т.е. установление контакта и инициативность, не вызывает затруднений ни у

«беспомощных», ни у «самостоятельных» подростков. Однако при продолжении общения у подростков с личностной беспомощностью возникают проблемы. Фактические операции, характеризующие успешность общения, а именно: выразительность, устойчивость общения, объем общения (широта круга общения) и глубина взаимоотношений, у подростков с личностной беспомощностью менее развиты, чем у их «самостоятельных» одноклассников. У «беспомощных» более узкий круг общения, у них плохо получается поддерживать длительные и тем более глубокие взаимоотношения.

Таким образом, для подростков с личностной беспомощностью характерны более низкий уровень общительности, менее выраженные способности к установлению прочных и доброжелательных отношений с окружающими. Они имеют более низкие показатели по гибкости в общении, что характерно для людей ригидных, неуверенных в своей привлекательности, в том, что они интересны собеседнику и общение с ними может приносить удовольствие.

«Самостоятельные» подростки более общительны, имеют более высокие показатели гибкости в общении, что свидетельствует об аутентичном взаимодействии с окружающими, способности к самораскрытию. Испытуемые с высокой оценкой по этой шкале ориентированы на личностное общение, не склонны прибегать к фальши или манипуляциям, не смешивают самораскрытие личности с самопредъявлением – стратегией и тактикой управления производимым впечатлением. У подростков с личностной беспомощностью также менее выражена потребность в общении, чем у подростков с самостоятельностью.

Еще одним критерием успешности общения является социометрический статус. По результатам исследования, проведенного с помощью социометрической методики, было выявлено, что подростки с личностной беспомощностью имеют более низкий как деловой, так и эмоциональный статус. То есть они пользуются меньшим уважением и популярностью среди одноклассников, в отличие от «самостоятельных» подростков.

Таким образом, подростки с личностной беспомощностью испытывают трудности в общении, как правило, имеют мало друзей. Общение со сверстниками служит для них средством удовлетворения сиюминутных интересов и потребностей, глубоко не затрагивающих личность. У подростков с личностной беспомощностью хуже развиты коммуникативные навыки, что проявляется в низких показателях основных операций в общении. На основе полученных результатов можно сказать, что подростки с личностной беспомощностью менее успешны в общении, чем «самостоятельные».

В юношеском возрасте ведущей деятельностью является учебно-профессиональная. Критериями ее успешности выступили: успеваемость, высокие показатели саморегуляции деятельности, удовлетворенность выбранной профессией.

Значимые различия выявлены по среднему баллу успеваемости ($U = 299,5$ при $p = 0,02$) «беспомощных» и «самостоятельных» студентов. Из всех показателей саморегуляции деятельности определены различия по двум параметрам: моделирование деятельности ($U = 307$ при $p = 0,017$) и гибкость в деятельности ($U = 331,5$ при $p = 0,042$). Так, более низкие показатели по шкале моделирования у «беспомощных» юношей и девушек свидетельствуют о слабой сформированности процессов моделирования, что приводит к неадекватной оценке значимых внутренних условий и внешних обстоятельств и проявляется в фантазировании, которое может сопровождаться резкими перепадами отношения к развитию ситуации, последствиям своих действий. У таких испытуемых часто возникают трудности в определении цели и программы действий, адекватных текущей ситуации, они не всегда замечают изменение ситуации, что также часто приводит к неудачам.

«Самостоятельные» юноши и девушки характеризуются высоким уровнем моделирования деятельности. Они способны выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективе, что проявляется в адекватности программы действий планам деятельности, соответствии получаемых результатов принятым целям. В условиях неожиданно меняющихся обстоятельств, при смене образа жизни, переходе на другую систему работы, такие испытуемые способны гибко изменять модель значимых условий и, соответственно, программу действий.

Студенты с личностной беспомощностью имеют более низкие показатели по шкале гибкости, т.е. в динамичной, быстро меняющейся обстановке они чувствуют себя неуверенно, с трудом привыкают к переменам, смене обстановки и образа жизни. В таких условиях, несмотря даже на сформированность процессов регуляции, они не способны адекватно реагировать на ситуацию, быстро и своевременно планировать деятельность и поведение, разрабатывать программу действий, выделять значимые условия, оценивать рассогласование полученных результатов с целью деятельности и вносить коррективы. У таких испытуемых неизбежно возникают регуляторные сбои и, как следствие, неудачи.

Для «самостоятельных» студентов характерна пластичность всех регуляторных процессов. При возникновении непредвиденных обстоятельств такие испытуемые легко перестраивают планы и программы исполнительских действий и поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий. При возникновении рассогласования полученных результатов с принятой целью своевременно оценивают сам факт рассогласования, вносят коррективы. Гибкость регуляtorики позволяет адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска.

Значимых различий по показателям планирования, программирования, оценки результатов и самостоятель-

ности в деятельности обнаружено не было, хотя стоит отметить, что средние ранги по данным шкалам в группе «беспомощных» ниже, чем в группе «самостоятельных». Общий уровень саморегуляции также не отличается в двух группах.

Для определения уровня удовлетворённости выбором профессии испытуемых просили ответить на вопрос: «Если бы Вам пришлось заново выбирать профессию, избрали бы Вы её вновь?»

Таблица сопряженности для теоретических и эмпирических частот ответов в группах испытуемых с личностной беспомощностью и самостоятельностью

Эмпирические частоты		Y (выбор профессии заново)		Всего
		Нет	Да	
X	Беспомощные	23	15	38
	Самостоятельные	15	26	41
Всего		38	41	79
Теоретические частоты		Y (выбор профессии заново)		Всего
		Нет	Да	
X	Беспомощные	18,28	19,72	38
	Самостоятельные	19,72	21,28	41
Всего		38	41	79
$\chi^2 = 4,52$ при $p = 0,033$				

Как видно из таблицы, в группе испытуемых с личностной беспомощностью меньшее количество испытуемых повторно бы выбрали свою профессию, чем в группе «самостоятельных». Студенты с личностной беспомощностью менее удовлетворены своей профессией и готовы сменить ее, что может свидетельствовать о том, что они сделали вынужденный выбор или при выборе профессии руководствовались скорее внешними отрицательными, чем внешними положительными и внутренними мотивами.

На основании сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. В младшем школьном возрасте у испытуемых с личностной беспомощностью выявлены: низкая познавательная активность, низкая успеваемость, недостаточная сформированность показателей учебной деятельности, что свидетельствует о менее успешной учебно-познавательной деятельности данных испытуемых, чем «самостоятельных» школьников.

2. В подростковом возрасте у испытуемых с личностной беспомощностью и самостоятельностью выявлены значимые различия по большинству критериев успешности интимно-личностного общения: у «беспомощных» менее выражена потребность в общении, более низкий эмоциональный и деловой статусы, более низкая контактность и гибкость в общении, также широта их круга общения значительно меньше, чем у их «само-

стоятельных» одноклассников, как и устойчивость, выразительность в общении и глубина взаимоотношений. На основании этих данных можно сказать, что «беспомощные» подростки менее успешны в общении, в отличие от «самостоятельных».

3. В юношеском возрасте среди испытуемых с личностной беспомощностью гораздо больше неудовлетворенных выбором своей профессии, чем в группе «самостоятельных». Выявлены различия между этими группами и в успеваемости, и в уровне показателей саморегуляции деятельности: у «беспомощных» более низкие результаты успеваемости и такие показатели саморегуляции, как моделирование деятельности и гибкость. В совокупности эти данные свидетельствуют о меньшей успешности учебно-профессиональной деятельности «беспомощных» юношей и девушек, чем у их «самостоятельных» одноклассников.

Полученные данные в совокупности свидетельствуют о недостаточной успешности ведущей деятельности испытуемых с личностной беспомощностью на разных возрастных этапах. Результаты проведенного исследования доказывают необходимость изучения личностной беспомощности в рамках деятельностного подхода и позволяют рассматривать не только психологическое содержание личностной беспомощности, но и её проявления в ведущей деятельности, объективно подтверждая правомерность выделения указанной психологической характеристики.

Литература

1. Веденева Е.В. Особенности мотивационной составляющей личностной беспомощности в зависимости от ведущего вида деятельности // XXIII Мерлинские чтения: «Активность—индивидуальность—субъект»: Материалы Всерос. науч. конф. / Науч. ред. Б.А. Вяткин. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 79–82.
 2. Зелигман М. Как научиться оптимизму. М.: Персей, 1997. 432 с.
 3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2005. 352 с.
 4. Циринг Д.А. Структура личностной беспомощности: постановка проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2005. № 15 (55). С. 176–180.
 5. Циринг Д.А. Психология выученной беспомощности: Учеб. пособие. М.: Академия, 2005. 120 с.
 6. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 416 с.
- RESEARCH OF LEADING ACTIVITY SUCCESS IN INDIVIDUALS WITH PERSONAL HELPLESSNESS AT DIFFERENT AGE STAGES
Tsiring D.A., Vedeneva E.V. (Chelyabinsk)

Summary. The article contains the results of empirical research of leading activity success in individuals with personal helplessness and self-dependence at primary school age, juvenile age and youth age.

Key words: personal helplessness, learned helplessness, self-dependence, leading activity, success of activity.